

КЛИМОВ Г. А.

О ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Минуло уже более двух десятилетий с того времени, как Е. Курилович сформулировал свое известное положение, согласно которому невозможно реконструировать *ad infinitum* и необходимо довольствоваться восстановлением лишь этапов языковой истории, непосредственно граничащих с самой исторически засвидетельствованной действительностью [1, с. 469; 2]. Этот нередко сочувственно цитируемый в современных работах тезис, несомненно дающий повод для специального размышления, тем не менее не получил пока сколько-нибудь заметного резонанса даже в рамках компаративистики, где он был впервые выдвинут (едва ли не единственное исключение составляет вышедшая в свет в 1977 г. небольшая теоретическая публикация Х. Бирibaума, см. [3]), хотя, по-видимому, вызвал стремление противопоставить ему некоторую антитезу. Представляется поэтому, что проблема временной перспективы лингвистической реконструкции, и, в первую очередь, вопрос о налагаемых на последнюю хронологических ограничениях, заслуживает более пристального внимания, особенно если учесть, что нерешенные задачи верификации так называемой дальней реконструкции все настоятельнее ставятся самой практикой современного языкознания.

Хотя те или иные соображения о временной перспективе лингвистической реконструкции обычно высказывались по ходу обсуждения методических вопросов генетической (сравнительно-исторической) проблематики, не приходится сомневаться в том, что эта проблема достаточно актуальна и для других лингвистических дисциплин, обладающих очевидным диахроническим аспектом, в частности, для типологических и глоттогенетических исследований. И если исходить из того, что адекватность любых обобщений, касающихся языка, будь они синхронного или диахронического характера, зависит прежде всего от качественных характеристик анализируемого материала, то в настоящем контексте целесообразно остановиться на двух наиболее отчетливо вырисовывающихся аспектах поставленной здесь проблемы — на зависимости ее решения от некоторых общих свойств эмпирической базы, имеющейся в распоряжении языковеда, и от специфики материала, релевантного для того или иного жанра историко-лингвистического исследования.

Коротко касаясь общих качеств эмпирической базы исследования, которые обуславливают степень относительной и абсолютной глубины хронологического уровня реконструкции (например, временную перспективу сравнительно-грамматического построения), в первую очередь следует назвать меру структурных и материальных расхождений вовлеченных в рассмотрение языков. Именно эта мера определяет протяженность лингвистического времени, характеризующего обозримую историю этих языков. Хорошо известно, что большая генетическая или типологическая близость рассматриваемых языков служит препятствием к осуществлению сколько-нибудь глубоких реконструкций, и, напротив, их значительные расхождения, не превышающие, однако, порога сопоставимости, создают благоприятные условия для проникновения в отдаленное прошлое. При этом в большинстве случаев исследование имеет своим исходным пунктом синхронно засвидетельствованную данность рассматриваемых языков, и в относительно редких случаях — письменную традицию, т. е. ранние тексты, так или иначе отождествляемые на практике с такой данностью.

(Именно письменные тексты нередко воплощают собой языковую данность в исследовательской практике и самого Е. Куриловича, и в опыте всего диахронического языкознания в целом.) Действительно, если не терять из виду ведущих экспликативных функций архетипов, которые строятся в ходе процедур лингвистической реконструкции, то будет нетрудно заметить, что в этом плане предельным для наших возможностей окажется состояние, архетипы которого способны служить достаточно эффективным объяснением конкретных совокупностей языковых фактов. Представляется поэтому, что процитированному в начале статьи положению Е. Куриловича объективно не противоречит и высказанное в весьма общей форме замечание О. Семереньи о том, что задача, например, индоевропейста заключается в том, чтобы «реконструировать, насколько это возможно» [4].

С рассматриваемым здесь тезисом Е. Куриловича согласуется принципиальное различие понятий собственно реконструкции и интерпретации, как правило, незнакомое эмпирическим исследованиям (конечно, в совершенно иной плоскости лежит противопоставление формулы и ее фонетической и функциональной интерпретации, проводимое компаративистами в рамках архетипа как продукта реконструктивной процедуры¹). Напротив, терминологически закрепленное разграничение реконструкции, с одной стороны, и некоторого последующего по отношению к ней шага — интерпретации, с другой, пользуется заметной и, на наш взгляд, вполне оправданной популярностью в современных теоретических работах по компаративистике. Если реконструкция предпринимается с целью диахронического истолкования соответствий, зафиксированных в фактической данности родственных языков, то к интерпретации, уже не располагающей необходимым для осуществления реконструкции реальным языковым субстратом, обычно обращаются в надежде проникнуть в хронологически более отдаленные пласты праязыкового состояния.

Так, например, Л. Завадовский различает сравнительную грамматику, оперирующую архетипами, выводимыми на основе засвидетельствованных межязыковых соответствий (*comparative grammar based on attested correspondences*), и так называемую конъектурную сравнительную грамматику (*conjunctural comparative grammar*), положения которой несравнимо более гипотетичны. При этом признается, что и степень достоверности самих архетипов падает с возрастанием реконструктивной глубины и в рамках сравнительной грамматики засвидетельствованных соответствий [7]. В той же плоскости лежит постулируемое О. Семереньи противопоставление реконструкции, производимой посредством сравнения некоторых языковых данностей, и ее дальнейшей диахронической интерпретации [8]. У Г. Дёрфера встречаем основанное на аналогичном противопоставлении разграничение реконструирующей лингвистики (*rekonstruierende Sprachwissenschaft*) и глоттогонической лингвистики (*glottogonische Sprachwissenschaft*), принципиальное различие между которыми заключается в том, что первая опирается на реально засвидетельствованный языковой материал, а вторая стремится к более глубокому диахроническому истолкованию уже самих результатов реконструкции [9]. Как подчеркивалось в докладе К. Кёрнера на VII Международном конгрессе по исторической лингвистике, подобного рода демаркационную линию так или иначе проводят такие видные представители современной компаративистики, как П. Тиме, Г. Хёнигсвальд и др. [10]. К интерпретациям при таком подходе относятся, в частности, и любые опыты «восстановления» так называемых предпраязыков (*preprotolanguages*), т. е. праязыков второго и более отдаленных порядков, поскольку они всецело строятся на сопоставлении результатов праязыковых реконструкций (статус интерпретации имеют, например, восстановления, практикуемые в сфере ностратики).

¹ Неудобство такого терминологического совпадения очевидно. Однако встречающиеся в специальной литературе термины *Prärekonstruktion*, ср. [5] и *reconstructive analysis*, ср. [6], не говоря уже о не всегда синонимичном им словосочетании «дальняя реконструкция», едва ли более удачны.

В настоящее время, когда на смену безоговорочному оптимизму большинства ранних языковедов пришло не менее твердое убеждение в том, что степень достоверности строящихся в ходе реконструкции архетипов, как правило, не только неизвестна (несомненно, однако, что она существенно уменьшается с возрастанием временной глубины последних в силу неизбежных для них потерь в отражении материальной и содержательной сторон вовлеченной в сравнение языковой данности), но и не может быть достаточно строгим образом проверена, должно стать очевидным, что объяснительная способность гипотез как продуктов интерпретаций несопоставима с экспликативными потенциями архетипов, имеющих непосредственный материальный субстрат. Если оставить в стороне ставший хрестоматийным пример интерпретации, содержащийся в известной статье К. Боргстрема 1954 г. [11], то с целью иллюстрации характерного положения вещей, возникающего даже в крайне немногочисленных случаях в какой-то мере контролируемых интерпретаций, представляется достаточным ограничиться приведением двух примеров. Одним из них может послужить современное состояние разработки ларингальной теории в индоевропестике, отмеченное не только противоборством нескольких взаимоисключающих гипотез, но и иногда вообще не разделяемой исследователями, несмотря на то, что постулированные Ф. де Соссюром сонантные коэффициенты, не оставившие, говоря словами У. Лемана, непосредственных и недвусмысленных рефлексов в каком-либо из индоевропейских языков [12], могут находить себе опору в анатолийском материале. Более конкретный пример подобного рода составляет известная интерпретация и.е. **oktōy* «восемь» в качестве исторической формы дуалиса к *okto-* «четыре», находящая свою внешнюю поддержку в картвельских аналогах последнему типа лавского *otso* «четыре», который в картвельстике рассматривается как индоевропейизм, восходящий к пракартвельской эпохе. Эта интерпретация ставит перед исследованием очередную совокупность вопросов вплоть до далеко идущего предположения о возможном исчезновении целой ветви индоевропейских языков, характеризовавшихся обозначением «четыре», отличным от обычно реконструируемых **k^uetur* и **meq*.

Вместе с тем не видно каких-либо препятствий и для того, чтобы распространить разграничение понятий реконструкции и интерпретации также на сферу других отраслей диахронической лингвистики — на историческую типологию и глоттогенетические исследования. Действительно, и в рамках обеих последних дисциплин практикуются восстановления как на базе реальных межъязыковых соответствий, так и более глубокие восстановления, опирающиеся уже на результаты реконструктивных процедур. Естественно к тому же допустить, что именно в области глоттогенетических штудий удельный вес интерпретаций окажется особенно высоким.

Другая сторона рассматриваемой здесь проблемы связана с различиями временной перспективы реконструкции, обусловленными ее принадлежностью к той или иной разновидности историко-лингвистического исследования. В этом отношении вполне очевидной должна быть значительная вариативность соответствующей перспективы даже при наличии во всех случаях одинакового по своему объему фактического материала.

В сфере компаративистики относительный временной рубеж реконструкции образует план праязыкового состояния основного таксона генеалогической классификации — макросемьи, поскольку исследование не способно выйти за пределы последней, пока сам ее состав не удастся расширить путем включения новых ингредиентов. Однако практике эмпирических работ не чуждо и стремление к дальнейшему углублению ретроспективной глубины исследования посредством внутренней реконструкции самой праязыковой «данности». Нетрудно заметить все же, что праязыковую «данность» уже невозможно отождествить с какой-либо исторической действительностью, так как она представляет собой гипотетическое построение, способное к самому существенному видоизменению с прогрессом сравнительной грамматики.

Именно из такого положения вещей, по-видимому, и исходит Г. Хэпписвальд, который отмечает, что процедура «внутренней реконструкции неправомерна с методической точки зрения, когда она направлена на восстановление не праязыкового, а предпраязыкового состояния» [13]. Как бы ни оценивать последнее утверждение, разделяемое не всеми теоретиками компаративистики, нельзя не согласиться с тем, что особенно трудно апеллировать к этому приему, когда речь идет о решении вопросов генезиса праязыковых явлений, исходный материальный субстрат которых становится исчезающе малой величиной. И. М. Тронский не без оснований писал в этой связи следующее: «Для постановки вопроса о происхождении восстанавливаемых звуковых единиц общиндоевропейского языка они должны быть не алгебраическими знаками, условными обозначениями формул соответствия, а обладать достаточной вероятностью своего исторического бытия. Однако это усложнение задач не сопровождается параллельным увеличением средств для их разрешения. Возможности дальнейшей реконструкции оказываются весьма ограниченными. Вся история ларингальной гипотезы свидетельствует о трудностях ее разработки» [14]; ср. также [15]. И поэтому, когда некоторые авторы, солидаризуясь в принципе с обсуждаемым тезисом Е. Куриловича, высказывают надежду на то, что с дальнейшим совершенствованием методов компаративистики ее реконструктивные возможности позволят нам углубиться в прошлое [16], то одним из вероятных резервов на этом пути является внутренняя реконструкция в рамках отдельных языков конкретной макросемьи, находящая свою опору в некоторых сохраняющихся в них глубоко архаичных фактах.

Конечно, в настоящее время уже не приходится сомневаться в действительности все чаще привлекаемых с аналогичной целью аргументов типологического порядка, эффективность обращения к которым тем выше, чем более развиты типологически штудии в пределах языковой семьи (именно таким представляется, например, положение дел в картвелистике). Не следует, однако, и переоценивать их возможности. Нельзя не видеть, во-первых, что далеко не все системные соображения, квалифицируемые в эмпирических исследованиях в качестве типологических, оказываются действительно таковыми, поскольку их релевантность для типологии всееще, как правило, не обосновывается. Во-вторых, даже в случаях беспорной ориентации при восстановлении на типологически значимые параметры языковой структуры компаративист предпринимает лишь диахроническую интерпретацию имеющихся в его распоряжении архетипов (к их числу относятся, в частности, широко распространенная в современной индоевропеистике идея о доминативном строе древнейшего праиндоевропейского состояния (ср., например, [17]).

Как известно, в наиболее продвинутых отраслях компаративистики хронологически отдаленным состояниям языковых семей приписываются некоторые черты, не укладывающиеся в рамки относительной стабильности основных структурных характеристик, фигурирующих в их кодифицированных сравнительно-грамматических построениях (терминологически они квалифицируются как, например, «доиндоевропейское» или «доуральское» состояние). Эти черты уже не выводимы непосредственно из фактической данности членов языковой семьи, всецело являясь продуктом диахронической интерпретации самой праязыковой модели. Нередко сама принадлежность соответствующих «реконструкций» к сфере компаративистики вызывает серьезные сомнения. Например, касаясь временных и внутрисистемных ограничений, налагаемых на реконструкцию в сравнительно-генетическом исследовании, Э. А. Макаев подчеркивает, что «во времени сравнительная и внутренняя реконструкция ограничена определенным порогом, переступать который она не в силах; в противном случае она теряет всякий смысл, ибо определенный этап развития языка, подлежащий реконструкции, утрачивает свой структурный облик (точнее было бы, вероятно, сказать — характерный для него структурный облик. — К. Г.), постепенно трансформируясь в другой языковой тип; так, выше... уже указывалось на то, что бессмысленно производить реконст-

рукцию общеиндоевропейского состояния до такого хронологического среза или временной глубины, когда этому состоянию приписывается наличие не фонем, а силлабем, что ведет к подмене индоевропейского морфологического типа языковой структурой наподобие моносиллабических языков» [18] (ср. также [17, с. 168—169]). Тем более некорректным было бы отнесение к области компаративистики гипотез отдельных лингвистов о формировании языковых семей на базе языковых союзов.

Если коснуться абсолютной хронологии практикуемых в компаративистике реконструкций (///интерпретаций), то здесь мы сталкиваемся со множеством резко варьирующих оценок глубины их эффективности. Так, согласно М. Хаас, наиболее удовлетворительны реконструкции материала бесписьменных языков, праязыковое состояние которых удалено от современности дистанцией не более двух-трех тысячелетий [19]. По мнению Д. Дачи, классические методы сравнительного языкознания способны лишь весьма ущербным образом восстанавливать языковые состояния пяти-десяти тысячелетней давности [20]. А. Крёбер, напротив, полагал, что техника компаративистики обеспечивает вполне удовлетворительные реконструкции для временной глубины до пяти-семи тысячелетий [21]. В. Я. Пархомовский считает, что наиболее далеко идущий абсолютный хронологический уровень, который может быть с уверенностью достигнут современным историческим языкознанием, соотносим с периодом не позднее девяти-семи тысячелетий до н. э., к которому иногда приурочивают эпоху «распада» общепраязыкового праязыкового единства [22]. Как отмечал М. Сводеш, практике современной компаративистики уже знакомы успешные опыты зондирования временной глубины, значительно превышающей 5000 лет и, возможно, достигающей 15 000 лет [23]². Согласно В. Георгиеву, ларингальная теория предоставляет индоевропеистике возможность продлить традиционную «младограмматическую» реконструкцию еще на 10—15 тысячелетий [24]. Последним оценкам опять-таки резко противоречит точка зрения П. Хайду, подчеркивающего, что «реконструкция языковых явлений более чем восьми-десяти тысячелетней давности методами современной компаративистики заведомо безнадежна и заранее обречена на неудачу» [25].

Трудно отказаться от заключения, что столь существенно расходящиеся оценки не составляют сколько-нибудь прочной основы для определения хотя бы среднего временного порога эффективности реконструктивных процедур современного сравнительно-генетического исследования. В лучшем случае они отражают более или менее установившуюся в соответствующих частных отраслях сравнительно-генетического исследования традицию. Это впечатление, вероятно, еще более окрепнет, если учесть остроту контrovers, и поныне сопровождающих представления лингвистов о тех или иных фрагментах праязыковой индоевропейской структуры, проецируемых в эпоху далее четвертого тысячелетия до н. э. Сказанное выше убеждает в том, что неоднократно формулировавшийся в прошлом вывод, согласно которому засвидетельствованная история языка, даже будучи дополненной «доисторической» реконструкцией посредством сравнительного метода, охватывает лишь небольшой этап его развития, что подтверждается и опытом современной компаративистики. Этому заключению не противоречит и хорошо знакомая каждому компаративисту тенденция постепенного, но неуклонного, удешевления в сравнительных грамматиках абсолютной хронологии праязыкового состояния, диктуемая крепнущим осознанием большой сложности процессов исторического развития языковых семей.

² В последней связи уместно отметить, что лексико-статистический метод датировки этапов языковой фликации, разработанный М. Сводешем, в целом так и не дал достаточно удовлетворительных абсолютных цифр (ср. его стабильную тенденцию к занижению хронологии). Не всегда соответствует контролируемой реальности и получаемая с его помощью относительная хронология дивергентных процессов. Можно заключить поэтому, что эта методика сообщает предпринимаемым реконструкциям лишь более или менее условные временные ориентиры.

Обращаясь к рассмотрению временной перспективы типологической реконструкции, целесообразно сразу же упомянуть известную практику наиболее продвинутых в своей разработке отраслей сравнительно-генетического исследования, признающую, что при решении задач дальнейшей реконструкции по исчерпанию методического инструментария компаративистики дополнительный эффект способна дать апелляция к типологии. Еще в 1960 г., отталкиваясь от идеи, высказанной Р. Якобсоном в его известном докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов, Т. Я. Елизаренкова подчеркивала, что «типологическое сравнение может не только вносить коррективы в результаты, полученные при помощи сравнительно-исторического метода, но также намечать дальнейшее направление ретроспективного развития той модели, которая получается путем внутренней реконструкции» [26], а несколько позднее К. Уоткинс, обсуждая перспективы дальнейшей реконструкции индоевропейской глагольной системы, отмечал, что в этом плане «вероятно, единственные гипотезы, которые заслуживали бы внимания, будут основываться на чисто типологических соображениях» [27]. Не отождествляя, однако, типологическое исследование с генетическим, следует признать лишь вспомогательную роль подобных гипотез.

Если принять широко распространенное в современных работах разграничение формально и содержательно ориентированной типологии, то будет нетрудно убедиться в значительно большей силе ретроспекции, свойственной реконструкциям в сфере последней. Многочисленные эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что смена формального языкового типа, например, синтетического и аналитического, может происходить неоднократно иногда даже в пределах документально обозримой истории одного языка. Напротив, преобразование языкового типа в сфере континентальной типологии неизменно предполагает чрезвычайно медленно протекающий процесс накопления нового структурного качества, длящийся тысячелетиями (последнее обстоятельство, по-видимому, способно даже внушить мысль о невозможности типологической трансформации, например, эргативной или активной структуры в номинативную). Если, однако, принять решительно преобладающую в современной лингвистике точку зрения о реальности подобной трансформации, то уже в настоящее время в пользу таких темпов развития можно привести несколько свидетельств из истории ряда языков.

Конкретное представление о длительности этапа преобразования континентального языкового типа может, например, дать то обстоятельство, что единодушно констатируемый картвелистами и по сей день не вполне завершенный процесс номинативизации исторически активной (или — как часто предполагают — эргативной) картвельской структуры, по-видимому, сказывался еще в общекартвельском состоянии, которое обычно проецируется в третье-четвертое тысячелетие до н. э. Это подтверждает, в частности, тот характерный факт, что уже для общекартвельского периода можно реконструировать именные флексии **-is₁* и **-s*, продолжения которых служат в исторически засвидетельствованных картвельских языках показателями родительного и дательного падежей, типологически соотносящихся, по всей вероятности, с падежной парадигмой номинативной системы. Еще более instructивно в последнем отношении то обстоятельство, что для столь же отдаленной эпохи может быть реконструирован выступающий в формах 3-го лица глагольный префикс объектной версии **u-* (ср. груз. *u-nda*, лаз. *u-nop* «ему хочется то», сван. *x-o-nda* «ему хотелось то»), обособляющий косвенно-объектное отношение от прямо-объектного [28]. Не менее длительным рисуется в соответствующих работах процесс преобразования исторически активного строя индоевропейской языковой структуры в номинативный, ср. [17, с. 164—240; 29].

Обычный предел восстановлений в сфере содержательно-ориентированного типологического исследования обозначается постулатной языкового типа, исторически непосредственно предшествовавшего синхронно засвидетельствованному. Так, для представителей номинативного (аккузативного) типа таковым, как правило, оказывается эргативное или ак-

тивное состояние, для представителей эргативного — активное (редкое исключение составляет практика одного направления картвелистики, в рамках которого некоторое время назад при «индуцирующем воздействии» строя северокавказских языков велись интенсивные поиски рецессивных черт классного состояния). Сказанное, разумеется, не означает, что абсолютная хронология тех или иных архетипов в рамках типологической реконструкции с необходимостью превосходит временную глубину всех праформ, строящихся в компаративистике

Наконец, наиболее масштабный характер присущ, как известно, реконструкциям, практикуемым в сфере глоттогенетических исследований, что в прошлом неоднократно порождало иллюзию, будто эти реконструкции надстраиваются над компаративистическими и типологическими в качестве более или менее механических продолжений последних в «до-историю». Между тем, в силу своей специфической направленности на изучение происхождения наиболее общих закономерностей эволюции языка глоттогенетические исследования составляют вполне самостоятельный аспект диахронического языкознания. История науки свидетельствует, что сравнительно проще оказалось увидеть принципиальное различие временной перспективы глоттогенетических и компаративистических работ, вследствие чего некоторые направления индоевропеистики еще с середины прошлого столетия стремились исключить из сферы своей компетенции глоттогенетическую проблематику, что нашло особенно яркое выражение в так называемом парижском запрете 1866 г на слушание во Французском лингвистическом обществе сообщений о происхождении языка. В то же время тенденция использовать достижения типологии для решения вопросов глоттогенеза отчетливо ощущалась еще и в первой половине XX столетия, ср. [30]

Глоттогенетические реконструкции в их современном облике также опираются на эмпирическую базу исторически засвидетельствованных (как правило, синхронно представленных с исследованием) языков, оказывающихся показательными в том или ином конкретном отношении (данные закономерностей развития речи в онтогенезе, при всей своей важности, играют, по всей вероятности, лишь роль некоторых косвенных свидетельств). Если учесть реальные возможности наблюдения во многих языках мира за становлением фундаментальных лексических и грамматических категорий (имени прилагательного, падежной парадигмы и т. п.), то приходится признать, что изучение соответствующих процессов далеко не обязательно приводит к «глоттогоническим спекуляциям», как подобные штудии еще недавно характеризовались некоторыми авторами в силу либо предубежденности, либо ориентации на доминировавшие в прошлом умозрительные работы этого плана. Более того, степень достоверности «архетипов» глоттогенетической реконструкции, по крайней мере в той их части, которая отражает изучение формирования некоторых грамматических категорий может быть не меньшей, чем в других жанрах историко-лингвистического исследования (ср. опыты выявления в этом плане ряда диахронических констант). Поэтому едва ли возможно согласиться с носящим агностический оттенок обобщением, согласно которому соображения о происхождении грамматических категорий составляют глоттогоническое предприятие, имеющее в высшей степени проблематический характер, ср. [1, с. 469]

Подведем в заключение некоторые итоги. При прочих равных условиях, в частности, при одинаковом объеме релевантного фактического материала, с одной стороны, и различении собственно реконструкции и интерпретации, с другой, наиболее широки горизонты ретроспекции в сфере глоттогенетических исследований и наиболее узки — в рамках компаративистики. Если несомненное относительное временной глубины реконструкции в различных жанрах диахронического языкознания более или менее очевидно, то абсолютная датировка тех или иных конкретных явлений (например, элементов дальней реконструкции в компаративистике и ближайшей реконструкции в содержательно ориентированной типологии) может в них и совпадать. Тезис Е. Куриловича о принципиальной

ограниченности возможностей лингвистической экстраполяции, впервые выдвинутый в сфере компаративистики, сохраняет свою силу по отношению как к исторической типологии, так и к глоттогенетическим штудиям. Во всех случаях временные пределы действительности реконструктивных процедур обусловлены степенью сопротивления языкового материала и, в конечном счете, — преградами, воздвигаемыми на этом пути самой эволюцией человека (ср. [31]). Прецеденты неограниченных во времени диахронических интерпретаций, надстраивающихся над реконструкциями, в большей или меньшей степени обозначают отрыв от фактической базы исследования и приводят к возрастанию удельного веса нелостоверного в языкознании

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Kurylowicz J* On the methods of internal reconstruction — In: Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists — Cambridge (Mass.), 1962
- 2 *Kurylowicz J* The inflexional categories of Indo European — Heidelberg, 1964, p. 58
- 3 *Birnbaum H* Linguistic reconstruction, its potentials and limitations in a new perspective — Washington, 1977
- 4 *Szemerényi O* Trends and tasks in comparative philology — London, 1962, p. 7
- 5 *Penzl H* Das Rekonstruieren des «prahistorischen» Lautwandels — In: Proceedings of the Twelfth International Congress of linguists — Innsbruck 1978, S. 509, fn. 5
- 6 *Dyen I* Reconstruction, the comparative method, and the protolanguage uniformity assumption — *Language*, 1969, v. 45, № 3, p. 508—509
- 7 *Zawadowski L* Theoretical foundations of comparative grammar — *Orbis*, 1962, т. 14, № 1, p. 7—17
- 8 *Семереньи О* Введение в сравнительное языкознание — М., 1980, с. 13
- 9 *Doerfer G* Lautgesetze und Zufall. Betrachtungen zum Omnicomparativismus — Innsbruck, 1973, S. 10
- 10 *Koerner K* Reconstruction in historical linguistics — Ottawa 1985
- 11 *Borgstrom C* Internal reconstruction of Pre Indo European word-forms — *Linguistics today* (Word, 1954, V. 10, № 2—3)
- 12 *Леман Ю Ф* Выводы о протоиндоевропейской глагольной системе, основанные на внутреннем анализе саксакрита — ВЯ, 1961, № 2, с. 24
- 13 *Hoernigswald H M* Internal reconstruction and context — *Historical linguistics*, 1974, II, p. 200
- 14 *Троянский И М* Общиневропейское языковое состояние — Л., 1967, с. 22
- 15 *Thieme P* — *Language*, 1955, 31, № 3 (pt. 1), p. 436 — *Rec. Burrow T* The Sanskrit language — London, 1955
- 16 *Meid W* Probleme der raumlichen und zeitlichen Gliederung des Indogermanischen — In: *Flexion und Wortbildung* Hrsg. von Rix H — Wiesbaden, 1975, S. 218—249
- 17 *Гузман М М* Историческая типология и проблема диахронических констант — М., 1981
- 18 *Макаев Э А* Общая теория сравнительного языкознания — М., 1977, с. 90—91
- 19 *Haas M* The prehistory of languages — The Hague — Paris, 1969, p. 102
- 20 *Decsy G* Finnougristik, Samojedistik und Paläolinguistik — *UAIb*, 1969, Bd. 41, 1—4, S. 377—378
- 21 *Kroeber A* Statistics, Indo European and taxonomy — *Language*, 1960, v. 36, 1, p. 21
- 22 *Пархомовский В Я* Афроазиатские языки — В кн. *Сравнительно историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы* — М., 1982, с. 23
- 23 *Swadesh M* Linguistics as an instrument of prehistory — In: *Language in culture and society* — Ed. by Hymes D — New York, 1964, p. 578
- 24 *Georgiev V* Komplexe Methoden in der Indoeuropäischen Sprachwissenschaft — *Kratylos*, Jg. X, 1965, 2, S. 215—216
- 25 *Хайду П* Уральские языки и народы — М., 1985, с. 169
- 26 *Елизаренкова Т Я* Аорист в «Ригведе» — М., 1960, с. 22
- 27 *Watkins C* Indogermanische Grammatik Bd III Formenlehre, Erster Teil Geschichte der indogermanische Verbalflexion — Heidelberg, 1969, S. 118
- 28 *Калинов Г А* Принципы континентальной типологии — М., 1983, с. 167
- 29 *Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I. Тбилиси, 1984, с. 315—319
- 30 *Ginneken J van* La reconstruction typologique des langues archaïques del Humanite — Amsterdam, 1939
- 31 *Журавлев В К, Нерознак В П* Проблемы реконструкции праязыкового состояния — *Slavica*, 1981, XVIII, с. 17